

Постников В.С., Постников С.В.
ВОЕННАЯ НАУКА В РОССИИ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Формирование, становление и развитие военной мысли, как и практики военного дела, шло в России во многом особым, самобытным путем с критическим учетом мирового, прежде всего западноевропейского, опыта, когда русскому народу приходилось вести частые войны за свободу и независимость своей страны, за достижение и в защиту ее национальных интересов. Процесс этот не всегда был поступательным: в нем имели место и взлеты, и движение вспять, возврат к устаревшим теориям, и застойные, кризисные явления. Закономерность такого сложного и противоречивого характера процесса объясняется тем, что протекал он вместе с реальным развитием Российского государства, с присущими ему общественными отношениями, отражая все его противоречия.

Исторический промежуток от завершения XVII – до нач. XX в. занимает в истории становления и укрепления российской государственности особое место. В этот период Россия прошла поистине гигантский путь развития. Из периферийного, еще не полностью преодолевшего последствия Смутного времени, отсталого в экономическом и культурном развитии, относительно слабого в военном отношении патриархального государства – Московской Руси – она уже в 1-й четв. XVIII столетия трудами Петра I и его сподвижников, ценою колоссального напряжения всех материальных и духовных сил населяющих страну народов, прежде всего русского, превратилась в могущественную, европеизированную державу – Российскую империю, занявшую к концу века (после некоторого упадка в 1730–1740-е гг.) доминирующее положение на международной арене. Без ее участия отныне не решался ни один сколько-нибудь важный вопрос мировой политики.

Под влиянием опыта многочисленных войн, которые вела в рассматриваемый период Россия, совершенствовались и укреплялись ее вооруженные силы, развивалось национальное военное искусство, проходила стадию формирования военная наука.

В XVIII в. военно-теоретическая мысль переживала в России бурное развитие. Именно в этот период стремительно прогрессирующая страна выдвинула целый ряд талантливых полководцев и флотоводцев – Петра I, П.А. Румянцева, А.В. Суворова, Ф.Ф. Ушакова и др., не только прославивших русское оружие в войнах и сражениях, но и внесших много нового, оригинального в развитие теории военного искусства, формирование военной науки.

Подлинным преобразователем не только военного дела, но и всех без исключения сторон жизнедеятельности Русского государства являлся Петр I (1672–1725), в котором удачно совмещались крупный государственный деятель, политик и дипломат, выдающийся организатор, талантливый полководец и даже флотоводец, военный мыслитель. С его именем и делами связано создание во 2-й пол. XVII в. мощной, боеспособной регулярной

армии и флота на базе самой прогрессивной в тот период рекрутской системы комплектования, а также выработка основ отечественного военного искусства. В силу сложившихся внешнеполитических обстоятельств именно созданные Петром I армия и флот стали решающим фактором обеспечения национальной независимости страны, гарантом достижения ею своих насущных жизненных интересов, условием дальнейшего социально-политического развития, повышения и укрепления международного престижа России. Петр I был выдающимся военным теоретиком – автором и редактором ряда уставов, военно-теоретических и исторических трудов, наставлений и инструкций, других военных сочинений [9; 10; 25; 27; 33; 34; 35 и др.], в которых он ярко и сжато, доходчивым языком изложил свои взгляды на подготовку государства к войне, строительство вооруженных сил, руководство ими, обучение и воспитание войск, способы ведения военных действий, роль инженерного искусства, в частности крепостей, в обеспечении обороны страны, организацию взаимодействия армии и флота и др., которые существенно отличались от западноевропейских аналогов. Для большинства этих военно-теоретических работ Петра I, являвшихся по сути обобщением богатого опыта Северной войны 1700–1721 гг., были свойственны широта постановки проблем, обстоятельность и глубина их раскрытия, многосторонность. Многие петровские уставы и наставления действовали в русской армии и на флоте на протяжении всего XVIII в. и даже позже.

В середине столетия внимание российских военных деятелей в значительной степени было сосредоточено на общих вопросах теории и истории военного дела. Об этом свидетельствует, в частности, поданная в 1761 г. генерал-фельдмаршалом П.И. Шуваловым в Сенат записка «О военной науке». Она включала вводную часть, в которой автор изложил свои взгляды на войну, армию и военное дело в их историческом развитии. Шувалов полагал, что война свойственна человеческой природе и существует с тех пор, как существуют люди, что она является движущей силой общественного развития, источником укрепления могущества народов, «возвеличивания государства». Отсюда им делался вывод о необходимости иметь в России сильную регулярную армию, которая бы постоянно совершенствовалась в «экзерцициях» и была способна надежно защищать ее интересы.

Пожалуй, одним из первых в истории Отечества П.И. Шувалов высказал мысль о важности военной теории, посредством разработки которой, как он считал, можно возвысить военное искусство, все военное дело до уровня науки. Им также был впервые поставлен вопрос о желательности создать в России высшую военную школу – Академию военных наук.

Общепризнанным военным авторитетом в 60–70-е гг. XVIII в. пользовался генерал-фельдмаршал П.А. Румянцев (1725–1796). Он являлся не только выдающимся полководцем своего времени, но и крупнейшим военным теоретиком. Перу Румянцева принадлежат многие работы, прежде всего «Обряд службы» (1770–1772), принятый в качестве общеармейского

устава, и «Мысли» (1777) [20] – докладная записка Екатерине II об организации армии.

Военно-теоретические работы Румянцева по-новому ставили ряд важнейших вопросов и являлись определенным этапом в военной теории, предшествовавшим суворовской «Науке побеждать». Незаурядный мыслитель, смотревший всегда в «корень» дела, фельдмаршал хорошо понимал самобытность России. Он выдвинул обширную программу переустройства ее вооруженных сил, считал, что государство Российское должно иметь свою, отличную от западноевропейской, основанную на национальном опыте военную организацию. Румянцев требовал строить армейский организм с учетом исторических и географических условий страны, предлагал ввести усовершенствования в существующую систему комплектования и обучения войск.

Общее управление армией и флотом Румянцев рекомендовал осуществлять через «Главное воинских дел правительство», которое должно было иметь статус Верховного воинского совета. Совет, по его мнению, следовало подчинить непосредственно главе государства (самодержцу) и определить в качестве высшего органа руководства вооруженными силами страны. Однако фельдмаршал не считал возможным, чтобы этот орган в военное время вмешивался в действия главнокомандующего на театре войны.

Румянцев не отрицал связи между политикой и стратегией, отдавая первой ведущую роль. Однако он справедливо полагал, что стратегия помимо политики должна исходить из учета сил и средств, имеющихся у государства. По мнению фельдмаршала, военная мощь той или иной страны зависит от состояния ее экономики, а благосостояние армии – от благосостояния народа. В связи с этим Румянцев предлагал соблюдать соразмерность военных расходов с другими потребностями государства. Рекомендуя «соразмерно способам и доходам ополчаться», он считал необходимым «весьма уважать их источник, который мы поныне один к содержанию воинских сил имеем: я разумею народ, дающий для войска и людей, и деньги» [36, с. 68].

Взгляд фельдмаршала на ведение войны основывался на наступательных действиях, на признании решительного полевого сражения важнейшим средством в достижении победы. Румянцев всегда стремился к разгрому живой силы противника, поскольку именно она, как он считал, является главным стратегическим объектом, от сокрушения которого зависит исход войны. Решительный удар по врагу должен был, по мнению полководца, наноситься сосредоточенными силами. Не разбрасывать войска, а держать их по возможности совокупно – вот важнейший стратегический принцип, который проповедовал Румянцев, противопоставляя его так называемой кордонной стратегии, широко применявшейся армиями европейских стран и насаждавшейся в России Б. К. Минихом.

Румянцев требовал, чтобы наступление сопровождалось закреплением захваченной территории. В случаях, когда нет возможности действовать против неприятеля «прямым наступлением», он рекомендовал прибегать (и

сам неоднократно делал это на практике) к различным формам изматывания противника, в частности к маневрированию с целью нападения на его коммуникации.

П.А. Румянцев высоко ценил русского солдата и придавал первостепенное значение воспитанию в нем чувства воинского долга. В основу воспитательного процесса он закладывал моральные начала – нравственный элемент, причем отделял воспитание, моральную подготовку от обучения. Свою систему воспитания и обучения фельдмаршал строил прежде всего на сознательном отношении к этим процессам, требовал подчинять обучение войск условиям войны, уделял в своих работах большое внимание выработке мер по повышению подвижности армии, достижению стандартизации вооружения, совершенствованию организации взаимодействия родов войск (оружия).

Ярчайшим представителем складывавшейся в XVIII в. русской военной школы был великий русский полководец генералиссимус А.В. Суворов (1730–1800), не только обладавший негибкой волей и титанической силой характера, но и отличавшийся выдающимся умом и большой эрудицией. Создатель «Науки побеждать» (под указанным наименованием работа А.В. Суворова впервые издана в 1806 г. До этого она была известна в армии как Суворовский устав, распространявшийся в рукописных вариантах. Отдельные, дошедшие до нашего времени его экземпляры хранятся в РГВИА и носят название «Вахт-парад» [2, с. 114]; 1795–1796) – этого самого выдающегося произведения русской и мировой военно-теоретической мысли XVIII столетия, считал себя учеником Петра Великого и фельдмаршала П.А. Румянцева.

Суворов хорошо понимал значение подлинной военной теории (науки), которую рассматривал как систематизированное изложение начал и правил, вытекающих из боевой практики, признавал наличие объективных факторов, определяющих практическую военную деятельность. Их изучение и составляло, по его мнению, главную задачу военной науки. Являясь непримиримым противником догматизма, Суворов, обобщив и проанализировав боевой опыт русской армии, обогатил все области военного дела новыми выводами и положениями, разработал и применил на практике наиболее совершенные для своего времени формы и способы вооруженной борьбы. В его «Науке побеждать», в многочисленных инструкциях, правилах, наставлениях и приказах нашли воплощение черты нарождавшихся передовой стратегии и соответствовавшей ей тактики, приходивших на смену застывшим схемам военного мышления эпохи феодализма. При этом определяющее влияние на новаторское творчество Суворова оказывали изменения, связанные с дальнейшим экономическим развитием Российской империи и ростом материально-технической базы войны, передовой по своему характеру системой комплектования национальной по составу регулярной армии, ее высокими морально-боевыми качествами.

Стратегия Суворова отличалась исключительной активностью и решительностью. На первое место он ставил наступление, однако считал

возможным в отдельных случаях прибегать к обороне и даже к отступлению (ретираде) в интересах сохранения войск от ударов превосходящего противника. Суворов учил всегда действовать творчески, исходя из сложившейся обстановки, не превращать тот или иной способ ведения военных действий в шаблон. Судьбу войны, считал полководец, должно решать генеральное сражение, являющееся кульминационным ее пунктом. При этом проблему генерального сражения он рассматривал в плане решения главной стратегической задачи – уничтожения всей армии противника.

А.В. Суворов был не только крупнейшим стратегом, но и непревзойденным тактиком. Его тактическое кредо выражено в «Науке побеждать» с предельной четкостью: «глазомер, быстрота и натиск». Суворовский глазомер – это точное знание обстановки, противника, условий, обеспечивающих победу. Быстрота – умение воспользоваться этим знанием и обеспечить внезапность действий. Натиск – это выражение воли к победе, решительному разгрому противника путем искусного сочетания маневра, огня и штыкового удара. Особой заслугой Суворова являлись отказ от принципов господствовавшей в тот период на полях сражений линейной тактики, уже давно переживавшей кризис, и переход к новой ударной тактике колонн и рассыпного строя (впервые была применена под Туртукаем в 1773 г.) – способу боевых действий, начавшему применяться на Западе лишь в ходе войн Великой французской революции 1789–1799 гг. и усовершенствованному затем Наполеоном Бонапартом. По сути дела, Суворов задолго до этого французского полководца выдвинул и практически применил в войнах многие стратегические и тактические приемы и способы борьбы, «открытие» которых было позже поставлено западноевропейскими военными теоретиками и историками в заслугу Наполеону.

Признанный знаток суворовского военно-теоретического и практического наследия Д.А. Милютин в свое время писал по этому поводу: «Суворов в отношении к военному делу стоял выше своего века, и никто не мог тогда постигнуть, что он создавал совершенно новый образ войны, прежде чем Наполеон дал Европе уроки новой стратегии и тактики» [18, с. 3].

В XVIII в. были также заложены основы отечественной теории военно-морского искусства. Теоретический курс тактики российского флота впервые излагался в труде профессора Морского корпуса Н.Г. Курганова «Наука морская – сиречь опыт теории и практики управления кораблем и флотом» (1774). Автор работы взамен «мертвых идей» линейной тактики выдвинул и обосновал принципы другой – маневренной тактики, превосходство которой доказал его ученик адмирал Федор Федорович Ушаков (1744–1817). Он на практике с успехом применил рекомендованные новые приемы и способы ведения морского боя, организации взаимодействия сил флота с сухопутными войсками. Кроме того, Ф.Ф. Ушаков и его единомышленники – адмиралы Д.Н. Сенявин, В.М. Головин и др. – принципиально по-новому поставили и решили вопрос о генеральном морском сражении. Они рассматривали его в органической связи с другими способами боевых действий (крейсерские и блокадные действия, удары по морским

коммуникациям и др.)

В целом XVIII в. дал мощный толчок развитию отечественной военно-теоретической мысли. В полководческой (флотоводческой) и творческой деятельности выдающихся представителей Российского государства этого периода, стремившихся осмыслить то новое, что зарождалось в практике вооруженной борьбы, и подвести под него теоретическое обоснование, находили отражение все происходившие в военном деле процессы, причем как в своей стране, так и за рубежом. В течение этого столетия сложилась русская военная школа, сумевшая создать такую теорию, прежде всего военного искусства, которая не только не отставала от западноевропейской, но, напротив, особенно во 2-й пол. XVIII в. превосходила ее в решении ряда проблем. Отечественная военная наука содержательно обогащалась, эволюционируя сообразно развитию военно-политической, социально-политической и духовной обстановке в России и приобретая при этом новые функциональные черты. Вместе с тем имевшиеся в рассматриваемый период военно-теоретические знания не были еще объединены в логически связанную систему на основе общих закономерностей и принципов, не сложились в стройную концепцию, основывающуюся на развитой категориальной системе. Всему этому предстояло свершиться только в следующем, XIX столетии.

В XIX в. русская военно-теоретическая мысль прошла большой и сложный путь. Ее эволюция происходила в обстановке разложения феодально-крепостнического строя и вызревания в его недрах капиталистических отношений, борьбы между сторонниками русской военной школы и представителями так называемой официальной, или академической, школы, склонной к копированию образцов западноевропейской военной системы. На характер, направленность, масштабы и темпы военно-теоретических исследований непосредственное влияние оказали также Отечественная война 1812 г., движение декабристов и их восстание в декабре 1825 г., Крымская (1853–1856), Русско-турецкая (1877–1878) войны и другие военные и политические события.

Развитие отечественной военной науки как относительно самостоятельного и целостного знания специфической области общественной деятельности шло в этот период по пути выделения и систематизации общих стержневых проблем военной теории: установление сущности и социально-политической природы войны и армии, соотношения войны и политики, войны и экономики, роли народных масс и полководцев, морального фактора в войне; выявление значения и места науки в практической военной деятельности, ее предмета, содержания и задач; определение взаимосвязи и отличия военной науки и военного искусства; раскрытие факторов и причин, лежащих в основе развития военной теории, всего военного дела; классификация отраслей военно-научных знаний; разработка методологии исследования военных явлений и др.

Глубокие изменения, происходившие в кон. XVIII – нач. XIX в. во всех областях военного дела, связанные в первую очередь с влиянием Великой

французской революции (1789–1799), положившей начало складыванию основ новой буржуазной военной науки, требовали от отечественных военных деятелей и теоретиков отойти от постулатов господствовавшей в то время так называемой классической (западноевропейской) военной теории, поскольку они не только не давали ответов на выдвинутые боевой практикой, в частности действиями французской массовой революционной армии, вопросы, но и оказались в резком противоречии с ней.

Одними из первых в России, кто попытался в военно-теоретическом плане проанализировать некоторые из поставленных жизнью вопросов, были А.И. Хатов и А. де Романо. В своих трудах, относящихся к 1802–1810 гг., они стремились, впервые применив метод исторического анализа, раскрыть объективные истоки и внутренний механизм развития военной науки, ее значение, определить содержание стратегии и тактики как отдельных отраслей военно-научных знаний и круг их актуальных проблем, выявить причины изменения способов и форм ведения войны и боя (сражения) и др. Так, генерал А.И. Хатов (1780–1846), например, считал, что наука, и, прежде всего военная, должна «образовать лучшие войска и лучших генералов: поставить метод на место навыка и соображения на место случая» [37]. Подобные взгляды на роль науки высказывали А. де Романо [28] и некоторые другие военные теоретики.

Значительное влияние на развитие отечественной военно-теоретической мысли оказали подготовка России и ее вооруженных сил к отражению нашествия Наполеона Бонапарта, Отечественная война 1812 г. и полководческая деятельность в ней генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова (1745–1813), достойного продолжателя традиций русской национальной военной школы. Он являлся творцом противопоставленной Наполеону стратегической концепции, основанной на идее достижения победы в войне не в одном генеральном сражении, к чему стремился выдающийся французский полководец, а, исходя из конкретных обстоятельств, в целом ряде согласованных между собой боев, сражений и маневров, растянутых во времени и пространстве, но объединенных общим замыслом. При определении задач, выборе видов и способов стратегических действий Кутузов исходил из возможностей массового использования имевшихся в стране людских и материальных ресурсов, близко подошел к правильному пониманию связи войны с политикой. «Обстоятельства политические укажут род войны» [13, с. 754], – писал Кутузов. Самое пристальное внимание фельдмаршал обращал на своевременное пополнение действующей армии, создание стратегических резервов, в т.ч. и созыв ополчения, боевую подготовку, развертывание партизанской борьбы, что вытекало из его теории народной войны.

Полководческая практика М.И. Кутузова и его сподвижников – генералов М.Б. Баркляя-де-Толли, П.И. Багратиона, П.Н. Коновницына, А.П. Ермолова и др. дала богатейший материал для развития теории военного искусства, прежде всего стратегии. Представители передовой отечественной военно-теоретической мысли пытались на основе изучения опыта их боевой

деятельности раскрыть основное содержание и специфику стратегии как науки, вывести правила, определить соответствующие времени способы и формы стратегических действий.

Глубокий след в истории развития военной науки оставили декабристы. Многие из них, в частности И.Г. Бурцов, Ф.Н. Глинка, Н.М. Муравьев, П.И. Пестель и др., ратовали за основательную, более глубокую разработку вопросов военной теории, пытались в своих трудах решить ряд важных проблем: о роли военной науки, ее предмете, содержании и задачах; классификации отраслей военной науки; взаимоотношении теории и практики; сущности стратегии и тактики, их взаимосвязи; способах ведения войны и боя и другие. Так, генерал И.Г. Бурцов (1794–1829) в работе «Мысли о теории военных знаний» (1819) утверждал, что военная наука не может ограничиваться, как тогда считалось, рамками военного искусства и должна включать в свой предмет изучение закономерностей в военном деле. В общем, «пространном», смысле военные знания (военная наука), по Бурцову, «должны содержать в себе правила, научающие образовывать, приводить в действие и устремлять к цели силу, охраняющую безопасность народную». Он подразделял военные знания на «знания, относящиеся до войска» (составление армии, движение армии – поход, действие армии, или «вождение войны»: топография, кастраментация, артиллерия, наука осад и оборон, стратегия (наука замыслов) и тактика (наука боев); сверх того ко всем трем отделениям относится и общая теория управления армии), и «знания, относящиеся до крепостей» (выбор места, строение крепостей: фортификация, наука о минах). Все это, считал Бурцев, «по соединении вместе составляет общий объем военной науки». Классификация, предложенная Бурцовым, конечно, далека от совершенства, однако его попытка разделить военную науку на отдельные отрасли показывает, что предметом исследования военных деятелей в нач. XIX в. становится сама военная теория, ее наиболее важные и вместе с тем сложнейшие проблемы.

Ряд новых теоретических положений высказал полковник П.И. Пестель (1793–1826). Под стратегией он понимал науку о войне в целом, считал, что стратегия определяет способы достижения главной цели войны, тактика же является наукой о бое. Пестель ставил вопрос о взаимосвязи войны и политики, зависимости военной организации от политического строя государства. Ликвидацию феодальной военной системы он связывал с уничтожением феодально-крепостнического самодержавного строя.

Пестель признавал необходимость постоянной регулярной массовой армии, способной обеспечить защиту страны, разработал четкую структуру не только военно-сухопутных сил (армия, корпус, дивизия, полк), но и флота (флоты и эскадры), ратовал за их создание на основе всеобщей воинской повинности (вместо рекрутских наборов) с сокращением срока службы, настаивал на отказе от комплектования офицерского корпуса по сословному признаку (каждый, сдавший «положенные экзамены», может стать офицером), т.е. был сторонником реформ буржуазного характера. Войну П.И. Пестель подразделял на наступательную и оборонительную, стремился

установить соотношение между наступлением и обороной, считал, что оба эти вида военных действий как бы дополняют друг друга, делал вывод, что при наличии больших по численности армий нельзя рассчитывать на выигрыш войны одноактным действием, т.е. одним генеральным сражением. Проигрыш такого сражения, считал он, еще не приведет к поражению, так как на пути победителя будут стоять вновь созданные резервы.

Декабристы, пытаясь вскрыть природу военных знаний, пришли к пониманию того, что они, сведенные в систему, являются военной наукой. Подчеркивая ее специфику, они не отрывали военную науку от других областей знания и утверждали общность основных принципов теории познания для всех наук, признавали тесную связь военной теории с общественными и естественными науками, указывали на наличие закономерностей военного дела.

Много ценных мыслей высказали декабристы о значении теории для практики. По их мнению, теория – одно из неперемных условий успешной практической деятельности. Особенно необходимы теоретические знания для подготовки военачальников. «Для полного образования полководца, – писал, например, И.Г. Бурцов, – не довольно даже одних военных знаний; все политические науки, действующие на безопасность народную, как сопредельные военным, а с другой стороны, все нравственные, подающие правила владеть человеческим сердцем, должны войти в состав общей, пространной теории, управляющей действиями истинных полководцев» [3, с. 64].

Признавая зависимость развития военной теории от изменений в материальных условиях человеческой деятельности, декабристы пришли к выводу о необходимости разработки сравнительно-исторического метода исследования военных явлений.

В целом благодаря усилиям декабристов военно-теоретическая мысль России поднялась в 1-й четв. XIX столетия на довольно высокую ступень. Именно в этот период военная наука выделилась из других областей знаний, определился круг изучаемых ею проблем, а следовательно, и основное ее содержание, осуществлены попытки теоретически осмыслить отличие научного знания от практического военного опыта. К военной науке стали относить систему взглядов, понятий, суждений, отражавших природу войны и армии, факторы и закономерности, определявшие на разных этапах принципы строительства вооруженных сил и их применение для достижения победы с наименьшей затратой сил, средств и времени.

Высшим достижением отечественной военной теории этого времени было утверждение взгляда на военную науку как на одно из действенных средств решения боевых задач военной практики.

Из множества военно-научных проблем, выдвигавшихся боевой практикой, огромный интерес вызывал анализ причин изменений, происходивших во всех областях военного дела. Именно эти вопросы стояли в центре внимания русской прогрессивной военно-теоретической мысли. Она чутко отзывалась и на требования практики познать природу и характер

войны и армии рождавшегося буржуазного общества.

Весомый вклад в разработку теории тактики парусного флота в это время внес преподаватель Морского кадетского корпуса капитан-командор П.Я. Гамалея (1766–1817). На основе обобщения передового опыта военно-морского искусства XVIII в. он разработал ряд руководящих документов, которые в совокупности составили труд под названием «Высшая теория морского искусства» (издан в 1801–1804 гг.) На основных положениях этой теории позднее выросла целая плеяда русских флотоводцев – М.П. Лазарев, П.С. Нахимов, В.А. Корнилов и др.

1-я четв. XIX в. в истории русской военной мысли характерна также возникновением военно-исторической науки, закладыванием основ военной педагогики, теории военно-инженерного дела, организации тыла и снабжения, управления войсками.

Время после подавления восстания декабристов в истории Российской империи характеризуется как один из сложных, драматических периодов. В отечественной историографии его часто называют периодом политической реакции, застоя. Многие стороны общественно-государственной деятельности, экономики находились тогда в стагнации. Это, естественно, отразилось и на отечественной научной мысли, в том числе и на военной науке. Поражение России в Крымской войне (1853–1856) явилось наглядным выражением кризиса в военном деле. Вместе с тем военная наука в определенном отношении все же не стояла на месте, а развивалась.

В 1832 г. в России была основана Императорская Военная академия (с 1855 г. Николаевская академия Генерального штаба), в которой спустя год образовали кафедру стратегии, истории военных походов и военной литературы. В лекциях и пособиях по истории военной литературы слушателям давались сведения о стратегических взглядах, принципах, правилах, разработанных выдающимися военными деятелями и мыслителями прошлого, что оказало положительное влияние на развитие отечественной военной науки и совершенствование исторического метода исследования в военной области.

В академии широко обсуждались важнейшие вопросы военного дела, ее ученые создали труды и руководства по стратегии, тактике, военной истории. В стенах академии в разное время трудились видные представители отечественной военной науки, к работе в ней был привлечен, можно сказать, весь цвет русской военной интеллигенции. Популярность академии в стране и армии была очень велика.

Крупным коллективным достижением отечественной военно-теоретической мысли сер. XIX в. стал «Военный энциклопедический лексикон», первый том которого вышел в 1837 г., а последний – 14-й – в 1852-м (значимость этой работы была столь высока, что в 1852–1858 гг. вышло второе ее издание). Лексикон носил характер справочника, но в его статьях, как правило, излагались взгляды на современные события боевой практики и факты военной истории, отражавшие уровень военной теории того времени.

В кон. 30-х и в 40-е гг. XIX в. появились труды Н.В. Медема, П.А. Языкова, Ф.И. Горемыкина, Н.Д. Неелова [6; 15; 21; 39], в которых решительно отстаивалась необходимость дальнейшей разработки военной теории, подчеркивалось ее большое значение для боевой практики. Авторы пытались определить методологические принципы изучения военных явлений; подвергали критике взгляды западноевропейских теоретиков на принципы ведения войны и боевых действий, как раз и навсегда данные, неизменные и вечные. В частности, Н.В. Медем указывал на связь между войной, политикой и стратегией, подчеркивал, что политика влияет не только на общий план войны, но и на «частные стратегические соображения». Он рассматривал стратегию как часть военной науки, имеющую свою специфику. В задачи стратегии Медем включал: определение целей войны, сил и средств вооруженной борьбы, необходимых для их достижения; выбор способа военных действий; разработку и осуществление мероприятий по повышению нравственного состояния войск и их материальному обеспечению.

Н.В. Медем, П.А. Языков, Ф.И. Горемыкин в своих работах выдвинули тезис о решающей роли оружия в деле становления способа ведения боевых действий (войны) и сделали вывод, что само развитие форм и способов ведения войны и боя находится в прямой зависимости от изменения средств вооруженной борьбы. Они смотрели на военное дело гораздо шире и глубже, чем многие военные теоретики Запада. «Я не видел причины, – писал, например, генерал Языков, – почему мы, русские, должны повторять только то, что сказано писателями иностранными. Не положено в законах природы, чтобы идеи новые и открытия в науках должны непременно следовать от Запада к Востоку. Они могут принять и обратный путь» [38, с. 10].

Именно русским военным теоретикам в тот период удалось в общих чертах определить рамки и предмет, примерный объем военной науки, сформулировать понятия стратегии и тактики как самостоятельных областей военных знаний, дать характеристику некоторым их категориям, выявить определяющие факторы в совершенствовании способов ведения войны и боя.

В развитие русской военно-теоретической мысли во 2-й пол. XIX в. заметный вклад внесли А.И. Астафьев, Д.А. Милютин, Г.А. Леер, А.Н. Петров, М.И. Драгомиров, Г.И. Бутаков и др. Они смело отбрасывали отжившие теоретические концепции и выдвигали новые; настойчиво преодолевали косность и рутину, царившие в официальных военных кругах. Так, генерал А.И. Астафьев (1816–1863) в трактате «О современном военном искусстве» (1856–1861) отстаивал решительные формы ведения войны и боя, пропагандировал полководческое искусство Петра I, П.А. Румянцева и А.В. Суворова, утверждал, что на развитие военного дела влияет не только военная техника, но и общественный строй, который определяет моральный фактор.

Характерно, что именно А.И. Астафьев в 1856 г., вопреки установившимся академическим понятиям, согласно которым в России не было военачальников, заслуживающих быть в одном ряду с великими

полководцами мира, впервые на страницах печати назвал А.В. Суворова «великим полководцем» [1, с. 25]. К числу великих полководцев Астафьев отнес также Дмитрия Донского, Петра I и П.А. Румянцева.

Отталкиваясь от опыта неудачной для России Крымской войны, А.И. Астафьев, как и Д.А. Милютин, поставил вопрос о необходимости радикальной перестройки всей военной государственной системы. Он доказывал, что понятие «военная наука» значительно шире, чем понятие «военное искусство», подразумевая под первым широкие теоретические познания, относящиеся к ведению войны, военным действиям, достижению победы, развитию военного дела в целом, подготовке войск.

Что касается Д.А. Милютина (1816–1912), то он в кон. 1840-х гг. высказал интересные мысли о взаимосвязи и взаимозависимости военной теории и боевой практики. Будущий разработчик новых основ военного строительства и руководитель военных реформ 1860–1870-х гг. в России, генерал-фельдмаршал (с 1898 г.) Милютин утверждал, что только та теория достоверна, которая опирается на опыт и проверяется фактами [17, с. 10]. Он подчеркивал, что на ход и исход войны влияют политические, нравственные факторы и материальные средства, без которых немислимо ведение войны. Заслуживают внимания высказывания Милютина о связи военной науки «с науками политическими», которые должны лежать, по его мнению, в основе всех наук, в том числе и военной.

Значительный вклад в военно-теоретическую мысль посл. четв. XIX в. внес генерал Г.А. Леер (1829–1904). Его труды [7; 11; 16; 26; 32] пользовались большой известностью не только в России, но и на Западе. В них Леер стремился обобщить опыт войн XIX столетия, исследовать современную ему боевую практику, показать, какое влияние на ведение войны и боя оказывали массовые армии, нарезное оружие, железные дороги и телеграф. Леер внес свою лепту в развитие общих проблем военной теории и в стратегию. Многие страницы своих произведений он посвятил обоснованию предмета и содержания военной науки. Леер доказывал наличие самостоятельной военной науки и ее объективных законов. Предмет военной науки он сводил к теории военного искусства, а точнее, к его высшей области – теории стратегии.

Последнюю Леер рассматривал с двух точек зрения. В широком смысле стратегия понималась им как всеобъемлющая военная наука, как «синтез, интеграция всего военного дела, его обобщение, его философия» [14, с. 3-4]. В более узком, прикладном значении – это учение «об операциях на ТВД». Основное внимание Леер уделил исследованию стратегии во втором значении. Обобщив и проанализировав накопившийся в течение XIX в. опыт подготовки к войне и боевых действий крупных войсковых масс, он обосновал возникновение в военном искусстве качественно нового явления – стратегической операции, положив начало разработке ее теории. Одновременно этот теоретик ошибочно считал, что в основе теории стратегии лежат вечные и неизменные законы и принципы военного искусства, на которые не влияют изменения ни средств борьбы, ни

общественных отношений.

В отличие от «академиста» Г.А. Леера, представитель русской военной школы генерал А.Н. Петров (1837–1900) в исследовании «К вопросам стратегии (критический очерк)» доказывал, что «сущность стратегии как высшего военного искусства состоит в правильном сочетании условий силы (физической, нравственной и умственной), места и времени (своевременности)» [23, с. 4]. «Цель науки, – писал Петров, – собрать материал и вывести из него законы... Добытые путем открытий законы, известным образом систематизированные, составляют науку в чистом значении этого слова» [23, с. 105, 107]. Он пытался установить различия между военной наукой, военной теорией и военным искусством. «Первая вырабатывает законы, – считал А.Н. Петров, – вторая изучает их различные свойства, а последнее применяет их к данному случаю» [23, с. 108, 109]. Это утверждение свидетельствует, что автор, в отличие от тех, кто смешивал военную науку с военным искусством, впал в другую крайность: он механически разрывал то, что в действительности органически связано.

Законодателем в области теоретической разработки новой тактики – тактики стрелковых цепей, пришедшей на смену отжившей свой век тактике колонн и рассыпного строя, был генерал М.И. Драгомиров (1830–1905). Его основная работа «Учебник тактики» вышла в 1879 г., а через два года была уже переиздана. В ней Драгомиров доказывал, что введение стрелковых цепей по-новому ставит вопрос о боевых порядках и подготовке войск, требовал отказаться от механического исполнения уставных требований и воспитывать у бойцов и командиров творческую инициативу.

Драгомиров резко критиковал представителей академической школы за их примитивизм, выразившийся в том, что все многообразие способов и форм вооруженной борьбы они упорно сводили к абстрактной схеме неких «вечных принципов», «типовых норм», «рациональных и точных правил» и т.д. Хотя Драгомиров отрицал существование военной науки как самостоятельной отрасли общественных наук, он, тем не менее, разработал, обосновал и рекомендовал наиболее рациональные в тех исторических условиях формы, способы и методы обучения и воспитания войск.

Во 2-й пол. XIX в. в России активизировалась также военно-морская теоретическая мысль. Увидели свет исследования С.И. Елагина, Ф.Ф. Веселаго, В.Ф. Головачева, Е.И. Аренса и др. Однако наиболее существенный вклад в разработку теории стратегического использования российского флота внес вице-адмирал И.Ф. Лихачев (1826–1907; он научно обосновал необходимость содержания сил российского флота одновременно на Балтике, в Черном море и на Тихом океане, доказывал целесообразность создания в России Морского Генерального штаба как органа планирования войны на море, справедливо утверждал, что в морских сражениях «фундаментальные принципы военного искусства те же самые, как на суше», а «в основании военной науки в обоих случаях» лежат общие «теоретические истины» [19, с. 6, 48]), а приоритет в исследовании проблем морской тактики принадлежал адмиралу Г.И. Бутакову (1820–1882), который первым в России

разработал основы новой для своего времени тактики парового броненосного флота, в т.ч. способы маневрирования эскадры в различных боевых строях [4].

На рубеже XIX–XX вв. отмечается новый этап оживления отечественной военно-теоретической мысли, особенно после поражения России в Русско-японской войне (1904–1905), показавшее, насколько опасно игнорирование достижений военной науки, отставание в ее развитии. Разработка проблем военной науки в этот период сосредоточивалась в Генеральном и Главном штабах, в специальных комитетах по устройству и образованию войск. Ведущим же военно-научным центром, исследовавшим вопросы ведения войны и боевых действий, являлась Николаевская академия Генерального штаба (с 1909 г. Императорская Николаевская военная академия). Большое значение в деле развития военной теории имели также военно-научные общества, прежде всего «Общество ревнителей военных знаний» и «Императорское Русское военно-историческое общество». Широко обсуждались такие коренные проблемы военного дела, как происхождение и сущность войн, их роль в развитии общества; характер и продолжительность возможной будущей войны; роль экономического и морального факторов в достижении победы на войне. Значительное внимание уделялось изучению вопросов мобилизации, сосредоточения и стратегического развертывания вооруженных сил; определению роли и состава стратегических резервов, важнейшего театра военных действий, способов разгрома многомиллионной армии противника. Делались попытки разработать основы коалиционной стратегии, уточнялись основные стратегические понятия и термины. Продолжалась и дискуссия о том, что такое военная наука, каковы объект ее исследования и содержание. В ней участвовали многие видные военные исследователи: Е.И. Мартынов, В.Е. Борисов, Н.А. Корф, Н.А. Орлов, А.А. Незнамов, А.Г. Елчанинов и др.

Четкую формулировку понятия «предмет военной науки» попытался дать генерал Н.П. Михневич (1849–1927) – наиболее крупный военный теоретик нач. XX в., яркий представитель русской военной школы, перу которого принадлежат более 30 работ по различным вопросам военной теории. Михневич выдвинул тезис об эволюции военного дела, подверг пересмотру многие давно сложившиеся военно-теоретические взгляды. Им были осмыслены новые явления военного дела в эпоху империализма.

Он утверждал, что военная наука является одним из отделов социологии, поэтому рассматривал ее не изолированно от общественной жизни, а в связи с ней. Задачей военной науки Михневич считал отыскание закономерностей вооруженной борьбы, принципов военного искусства и способов их применения. В отличие от Г.А. Леера, Н.П. Михневич утверждал, что стратегия – лишь часть военной науки, выдвинул идею о зависимости стратегии не только от внешней, но и от внутренней политики, а также от политического строя государства и его экономики. Он разработал многие вопросы, связанные с планированием войны и кампаний, мобилизацией и сосредоточением армий, проанализировал новые формы и способы ведения

войны, возможный характер ее начального периода и др.

Другой видный военный теоретик, профессор Николаевской академии Генерального штаба генерал А.А. Незнамов (1872–1928) в своих трудах [8; 22; 24; 31] горячо выступал за установление единых взглядов на ведение войны и боя, за необходимость разработки военной доктрины как «единой военной школы», стремился сформулировать ее принципиальные положения. О единой военной доктрине впервые заговорили после Русско-японской войны. В 1910–1912 гг. в военной печати, особенно в газете «Русский инвалид», развернулась бурная дискуссия (Журнал опубликовал 21 статью различных авторов) [29]. А.А. Незнамов, как и его единомышленники генералы В.Е. Борисов, А.Г. Елчанинов и др., ратовал за создание такой военной доктрины, которая бы учитывала и предусматривала широкую подготовку государства, армии и народа к конкретной предстоящей войне (основы подобной подготовки А.А. Незнамов изложил в работе «План войны»). Незнамову принадлежит также большая заслуга в дальнейшем развитии идей об операции. В труде «Современная война» он поставил своей задачей дать представление о полевых операциях армий в условиях большой европейской войны, где одним из первых нарисовал более или менее систематизированную картину организации и ведения армейских операций как нового явления в военном искусстве. Как и Н.П. Михневич, А.А. Незнамов утверждал, что в будущем операции станут вестись не только одной армией, но и группой армий, каждая из которых может включать в себя от 2 до 4 армий. В связи с этим им ставился вопрос о необходимости введения промежуточной управленческой инстанции между главнокомандующим на ТВД и командармами в виде полевого управления группы армий или фронта. За создание с началом войны фронтов выступали в своих трудах и другие теоретики, в частности генерал А.Г. Елчанинов.

В рассматриваемый период разработка вопросов военно-морского искусства, в том числе броненосного флота, была связана с именем адмирала С.О. Макарова (1848–1904). Теоретическое и практическое наследие последнего оказало огромное влияние на строительство и боевую подготовку военно-морских сил России кон. XIX – нач. XX в. Адмирал указывал на взаимосвязь различных отраслей военного и военно-морского искусства, но на первое место ставил стратегию. Он никогда не рассматривал флот обособленно, а считал его составной частью вооруженных сил страны. В изданном в 1897 г. труде «Рассуждения по вопросам морской тактики», посвященном основам ведения эскадренного боя кораблями броненосного флота, С.О. Макаров высказал мысль о необходимости разработки общих согласованных стратегических планов с учетом взаимодействия армии и флота. Он решительно отвергал чисто «морскую стратегию» А. Мэхэна и Ф. Колумба и доказывал, что стратегия, в смысле определения целей, должна быть единой, приемы же достижения этих целей могут быть различны. За единство стратегии выступал и другой русский военно-морской теоретик и историк генерал Н.Л. Кладо (1862–1919).

В 80–90-х гг. XIX в., а также в нач. XX в. в России были осуществлены

два военно-энциклопедических издания: «Энциклопедия военных и морских наук» (под ред. Г.А. Леера) и «Военная энциклопедия», обобщавшие имевшиеся к тому времени сведения по различным отраслям теории и практики военного дела. В частности, было дано определение военной науки, сформулирован ее предмет исследования, раскрывались некоторые принципы военного искусства. «Военная наука, – говорилось в энциклопедии, – занимается всесторонним исследованием войны. Она изучает: 1) явления в жизни обществ и 2) силы, средства и способы для ведения борьбы. Первая область исследования входит в социальную динамику, вторая – технически военная, теория военного искусства [5, с. 476].

Ввиду сложности военного дела изучение его, согласно Военной энциклопедии, распадалось на целый ряд специальных исследований, составлявших задачу второстепенных (конкретных) военных наук. К ним относились военная администрация, тактика, артиллерия, фортификация, военная топография, военная статистика, военная политика, военная история, история военного искусства, военная психология и другие. Окончательное же обобщение результатов исследований являлось, как считал автор статьи «Военная наука» Н.П. Михневич, прерогативой стратегии, стремящейся выработать рациональную теорию искусства ведения войны [5, с. 478].

Приведенные энциклопедические формулировки позволяют судить, что военным деятелям и теоретикам России 2-й пол. XIX – нач. XX в. не удалось все же создать целостной общей теории военной науки. И нельзя не согласиться с выводом, сделанным в кон. XIX столетия генералом Н.А. Корфом, который справедливо писал: «Современная теория военного дела распадается на обширный ряд «военных наук», не имеющих вовсе или почти не имеющих связи между собой; подобно рою пчел, каждая из них несет свою лепту, не зная общей цели и только инстинктивно объединяя свою деятельность с деятельностью других» [12, с. 13].

Как видим, трудами военных ученых была создана многочисленная и разнообразная литература. В ней освещались важнейшие проблемы военной науки, особенно те, которые относились к способам и формам ведения войны и военных действий. Глубоко изучался военно-исторический опыт. Необычайно расширились объем и содержание военной науки. Помимо стратегии, тактики и военной истории успешно развивались и специальные ее отрасли – военная педагогика, военная география (как часть стратегии), военная администрация, военная статистика и другие. Совершенствовались метод и методика научных исследований. Прогрессивные русские военные теоретики исходили из признания выдающейся роли военной науки в практической деятельности по строительству армии и флота и их использованию в вооруженной борьбе.

На рубеже XIX–XX вв. отечественная военно-теоретическая мысль в целом правильно подошла к оценке характера будущей войны, вероятного влияния на ее ход и исход изменившихся социально-политических условий и технико-экономических возможностей. Она смогла предугадать процесс

расширения полей сражений, увеличения напряженности и длительности вооруженной борьбы, возросшие трудности руководства массовыми армиями на ТВД и др.

Наследие отечественной военной науки рассматриваемого периода весьма значительно. Но не все в этом наследии равноценно. Наименее разработанной частью остались общие проблемы (основы) военной науки, а также проблемы, связанные с выяснением происхождения войны и армии, их социальной природы и роли в общественном развитии, связей и взаимодействия войны и политики, войны и экономики. Виной тому – недостаточно разработанная еще в то время методологическая база исследования.

Наряду с гениями полководцев и качеством вооружения, была особая нравственная сила, помогавшая России побеждать. Не секрет, что мировоззрение и жизненные установки русского человека веками формировались под влиянием доктрины Православной церкви. Однако христианская мораль, казалось бы, всеми силами противится войне. Как же совместить христианскую нравственность с необходимостью воевать и добиваться побед? Решению этого вопроса в основном и посвящены размышления русских религиозных философов о войне в XX в. Всплеск этих размышлений приходился на периоды ведения войн – Русско-японской, Первой, Второй мировых и Великой Отечественной. В то время эти размышления были особенно актуальны, т.к. если в Русско-японскую речь шла о защите чести страны, то в мировые войны – о самом выживании России. Актуальны они и сегодня: возможно, нашей стране еще не раз придется вступать в войну. Однако размышления Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Б.П. Вышеславцева, В.В. Иванова, И.А. Ильина, Л.П. Карсавина, Н.О. Лосского, В.В. Розанова, Ф.А. Степуна, Е.Н. Трубецкого, Г.П. Федотова, П.А. Флоренского, Г.В. Флоровского, С.Л. Франка, В.Ф. Эрнста и др. замечательных русских мыслителей касаются не только успехов или неудач русской армии и политических задач России в войне, но, в первую очередь, посвящены именно философскому анализу войны как сложного социального и морального явления. Ими исследуются его метафизические предпосылки, его антропологические и политические причины, нравственное значение для жизни народов, его диалектические противоречия. Суд над войной идет не перед лицом эпохи, а перед лицом вечности. При этом особый интерес вызывает именно религиозное направление отечественной философии, т. к. в ней наиболее остро ставится вопрос о соотношении войны и христианской морали. Нередко этот вопрос поднимается и в наши дни: может ли война иметь высшую религиозную санкцию? Должен ли христианин защищать свою Родину с оружием в руках, либо избрать иные методы борьбы? Как должна вести себя во время войны церковь? Как соотносится христианский гуманизм с необходимостью воевать? Все эти вопросы обсуждались в рамках русской религиозной философии и этики войны.

Нельзя сказать, что отечественная этика войны возникла на пустом

месте. Она опиралась как на серьезную западную традицию, так и на национальные размышления о войне, существовавшие в нашей культуре до XX в.

Уже размышлений о нравственной природе войн в русской философии до XX в., то они не относились к разработке ни правовой теории, ни отдельной науки о войне, но были изначально включены в общий контекст русской православной культуры и явились приложением традиционных христианских норм и добродетелей к существенной стороне жизни народа, к войне. Так в первом документе, содержащем правила поведения человека в сражении – «Учении и хитрости ратного строения пехотных людей» (1647), подразумевалось, что быть совершенным воином означало быть совершенным христианином. Это положение еще раз было подтверждено в «Уставе воинском» Петра I, который касался не только внешней стороны воинской службы, но и регламентировал нравственное воспитание воинов. Православный взгляд на войну XVII–XVIII вв. развили выдающиеся русские мыслители XIX в. – А.С. Хомяков и славянофилы, К.Н. Леонтьев, Н.Я. Данилевский, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев. Наиболее кратко их выводы можно суммировать в следующей фразе: 1) Россия – самобытная, но не милитаристская держава (славянофилы), однако 2) ее национальный уклад и политические задачи чужды Европе (Н.Я. Данилевский), следовательно, 3) не исключена вооруженная защита своего исторического призвания по строительству православной федерации государств в священной войне, которую будут вести лучшие люди страны – воинство (К.Н. Леонтьев); при этом 4) пока мы столь подвержены греху, войны никуда не уйдут, но их нельзя оценивать однозначно, их последствия могут быть благотворными (Ф.М. Достоевский), к тому же 5) высшая религиозная санкция для воинства есть служение Христу (В.С. Соловьев). Мыслители, на долю которых выпадет большое количество военных лет, вносят немало нового в эту тему, но на них огромное влияние оказывает «парадоксалистика» и метафизика войны Достоевского и Соловьева, патриотический пафос славянофилов, Данилевского и Леонтьева.

Философы, творившие русскую религиозную этику XX в., были убеждены: войны в ближайшем будущем не исчезнут, т.к. в мире еще слишком много противоречий, способных породить вспышки вооруженного насилия. Мир и покой наступят лишь в Царствии Божием, но в нашем бытии мы всегда будем вынуждены сталкиваться и бороться со злом (Л.П. Карсавин, Н.А. Бердяев, Е.Н. Трубецкой и др.) Однако можно ли считать войну злом абсолютным или в ней можно найти нечто хорошее? Отечественная религиозная этика войны считает более правильным второе утверждение, поскольку абсолютного зла, согласно христианскому учению, вообще быть не может; война – лишь относительное зло, и в некоторых случаях вести ее нравственно оправдано. Каковы эти случаи? Ответ напрашивается сам собой: когда невступление в войну повлечет еще более тяжелые последствия, чем вступление. Хуже вооруженного столкновения может быть кровавая гражданская распря, подчинение врагу и последующий

за тем разгром страны, поражение в войне, наконец, саму войну можно иногда остановить только путем вооруженного вмешательства. Но применять силу следует только в исключительных случаях, в безвыходных положениях, когда необходимость войны несомненна; по ничтожным поводам, как, например, решение незначительного международного спора, нельзя подвергать людей такому страшному испытанию, как военное противостояние.

Справедливая война должна быть нравственно обоснована, должна стать решительным ответом разгулявшемуся злу. «Оправдать войну, – писал С.Л. Франк, – значит доказать, что она ведется во имя правого дела, что она обусловлена необходимостью защитить или осуществить в человеческой жизни какие-либо объективно ценностные начала... Найти такие ее основания, которые были бы обязательны для всех» [здесь и далее цит.: 30]. Русская религиозная философия считает нравственно оправданной только войну в защиту высших духовных святынь, которыми И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, Л.П. Карсавин, А.А. Керсновский и др. называют защиту родины, жизни и мира. Такие войны они предпочитают называть не только справедливыми, но и священными. Цель священной войны - не убийства, а победа и долгий, а лучше вечный мир. Но для уяснения нравственного смысла войны недостаточно указать только на ее праведную цель, надо еще выяснить ее нравственное значение: несет ли война только горе и разрушения или же она вносит в общество нечто ценное, некое добро, которое редко встречается в мирной жизни? Здесь мы встречаемся с основным нравственным парадоксом войны: с одной стороны, нет ничего страшнее ее, но с другой – самые яркие примеры самоотверженного служения своим ближним мы находим именно на войне. «В войне... совершается такое великое добро, как жертва своей жизнью за других», – говорит Л.П. Карсавин. Священная битва освобождает людей от обыденного житейского эгоизма, возвращает чувство родства у разрозненных групп людей, составляющих население одной страны, воспитывает качества мужества, героизма, взаимопомощи. Однако никто из отечественных мыслителей не отрицает страшных последствий войны: массовых жертв, разрушений, морального и психического разложения некоторых солдат. На войне героическое соседствует с ужасным, нравственный подъем с моральным растлением, самопожертвование с крайним цинизмом и пренебрежением жизнью других. Это и есть основной нравственный парадокс войны: в ней великое добро встречается с отвратительным злом, которое часто повергает нас в ужас. Войну можно принять только в виде парадокса, только как великую трагедию, которая никогда не обходится без смерти и горя, но именно смертью и страданием она просветляет души людей. Отсюда вопрос о нравственном значении войны правильнее ставить как проблему нравственного смысла трагедии войны. Об этом говорил Н.А. Бердяев: «Войну можно принять лишь трагически-страдальчески. Отношение к войне может быть только антиномическое. Это – изживание внутренней тьмы мировой жизни, внутреннего зла, принятие вины и искупления...»

Несколько по-иному раскрывает нравственный смысл войны И. А. Ильин. Он полагал, что «смысл войны в том, что она зовет каждого восстать и защищать до смерти то, чем он жил доселе, что он любил и чему служил».

Однако убеждение в справедливости войны, в святости отстаиваемых идеалов недостаточно для ее морального оправдания. Здесь мы подходим ко второй нравственной проблеме – какими средствами должна вестись справедливая война? В истории этики давались два противоположных ответа: первый, утверждавший, что вооруженную борьбу можно вести любыми средствами, характерен для милитаризма; второй, характерный для гуманистических, правовых и христианских доктрин, гласил, что есть предел в выборе средств и схватку надо вести по-человечески, а не по-зверски. Русская традиция этики войны, как и вся русская военная культура, всегда разделяла вторую точку зрения. В этой связи характерны слова Н.А. Бердяева: «Человеческое должно утверждаться даже в страшных условиях войны». Но трагедия войны состоит в том, что святые цели достигаются безнравственными средствами, которые неминуемы. Если же война невозможна без насилия, то надо, во-первых, заставить насилие служить добру, во-вторых, по возможности ограничить его. Самое страшное с моральной точки зрения, происходящее на войне, – необходимость убивать. Эту необходимость И.А. Ильин назвал «основным нравственным противоречием войны» и сформулировал его так: «Может ли человек разрешить себе по совести убийство другого человека»? Христианину убийство категорически запрещено, и какие бы оговорки ни приводились, оно все равно остается большим грехом. Однако нельзя называть убийцами воинов, которые защитили многие тысячи жизней и отстаивали право на жизнь целых народов. Убийство на священной войне и убийство в грабительском походе – два совершенно разных по моральной ценности поступка. Русская религиозная философия, опираясь на нравственное учение христианства, указывает путь смягчения и постепенного преодоления греха убийства. Во-первых, воин должен признавать свой грех и раскаиваться в нем, во-вторых, мотив такого поступка не должен быть корыстным, т. е. убийство должно совершаться ради защиты, в-третьих, воин не должен ненавидеть убиваемого врага. Далее русские философы обращают внимание на то, что текст Евангелия нельзя толковать буквально, в нем заложено очень много скрытых смыслов и оттенков. Когда Спаситель говорит «любите врагов ваших», «кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему другую» (Мф. 5, 39), Он обращается к каждому из нас и имеет в виду личные обиды. «Мы не должны противиться злобствованиям ближнего, если эти злобствования относятся лично к нам, – пишет А.А. Керсновский. – Но, если этот ближний посягает на высшие ценности, наш долг воспротивиться ему». И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, Ф.А. Степун и др., опираясь на Священное Писание и Предание, указывают, что защищать своего ближнего от насилия, в том числе и с оружием в руках – долг каждого христианина. И.А. Ильин говорит об этом так: «Призывая любить врагов, Христос имел в виду личных врагов самого человека... Христос никогда не призывал любить врагов Божиих, благословлять тех, кто

ненавидит и попирает все Божественное... любовно сочувствовать одержимым растлителям душ». Необходимость противостоять злу безнравственными средствами составляет личную трагедию воина, однако нельзя осуждать воинов, участвующих в священной битве, и называть их убийцами, тем самым приравнивая их к тем, от кого они нас защищают. Труд воина – священен; он по своей ценности не уступает труду земледельца, учителя, священнослужителя или врача, ибо дает им возможность в мире и спокойствии служить людям.

Русская религиозная мысль выработала собственный подход к проблеме гуманизации боевых действий. Для отечественных философов было очевидно, что не международные конвенции и не гуманитарные организации ограничат вооруженное насилие, а воспитание души солдата в христианской добродетели. Настоящий христианин никогда не применит насилия больше, чем это необходимо, ибо он знает, что насилие несправедливо. «Смысл участия христиан в деле вражды, насилия и даже убийства, – пишет Ф.А. Степун в произведении «Христианство и политика», – заключается только в том, что, борясь, воюя, казня и убивая, они не в силах делать все это с чистой совестью».

В понимании нравственного смысла войн основное направление отечественной религиозной философии вынуждено было вступить в полемику с толстовством. И, пожалуй, нельзя раскрыть основное содержание русской этики войны без сравнения его с учением-антиподом. Все отечественные философы XX в. признавали Л.Н. Толстого гениальным художником и крупнейшим мыслителем-моралистом, но с его основными философскими положениями согласиться не могли. Л.Н. Толстой полагал, что если на войне происходят столь чудовищные преступления, как убийства, то в ней нет и не может быть ничего хорошего. Убийство нельзя оправдать никакими целями, никакой священной борьбой, и какими бы словами его ни прикрывали, оно все равно остается убийством. Те же люди, которые все же пытаются его оправдать – лицемеры и преступники. Ни защита родины, ни защита мира не могут оправдать насилия, которое есть зло.

Русские религиозные философы соглашались с Толстым, что все люди должны стремиться исключить насилие из своей жизни; также они были согласны с тем, что злом нельзя отвечать на зло, а надо творить добро. Однако они не считали всякое применение силы злом: важен мотив этого действия. По И.А. Ильину, написавшему в опровержение идей Толстого целую книгу «О сопротивлении злу силою», таким мотивом должна быть жертвенная одухотворенная любовь, а сам пресекающий поступок должен быть «бескорыстным принятием своей личной несправедности в борьбе со злодеем как врагом Божьего дела». В ответ на заповедь Толстого «не противься злу силой» Ильин выдвигает максимум «противься злу из любви» и разъясняет ее: «...из любви отдавая все свое, где это нужно; из любви понуждая и пресекая, где нужно; из любви уговаривая и из любви казня, и из любви не отдавая ничего своего, если это «твое» есть больше, чем твое, если

оно есть в то же время – Божие: святыня, церковь, родина...» Ильин жестко критикует Толстого за то, что он называл защитников родины такими же убийцами, как и обычных бандитов: «Только для лицемера или слепца равноправны Георгий Победоносец и закаляемый им дракон». Для христианина нравственным идеалом должен быть Иисус Христос, соответственно и вести себя он должен стремиться как Спаситель. А разве Он когда-либо осудил воинское служение, сказал, что быть солдатом означает быть отступником от веры? Нет, а Толстой это делает.

Другие русские религиозные философы не посвящали специально проблеме допустимости насилия целые исследования, подобно «О сопротивлении злу силою», но к идеям Толстого у них было схожее с И.А. Ильиным отношение. Они обращали внимание на то, что абсолютного добра в нашем мире не бывает, вместо него существует лишь иерархия добра. Применять оружие против людей – большое зло, но применять оружие ради спасения людей от преступников – может быть немалым благом. В то же время ненасильственное сопротивление врагу ни в коем случае его не остановит, а, напротив, может придать ему уверенности, и он совершит еще множество злодеяний. Лучше вовремя пресечь зло силой, чем потом встретиться с еще большим злом, на обуздание которого сил может не хватить.

Основное отличие в отношении к войне толстовца и христианина можно выразить так: толстовец осуждает войну и в ней не участвует, христианин также осуждает войну, но в ней участвует, добиваясь тем самым, чтобы война не уничтожила ни христиан, ни толстовцев, ни кого-либо другого. Но эта с первого взгляда противоречивая позиция с точки зрения русских религиозных философов нравственно выше толстовской, о чем очень верно говорит Н.А. Бердяев: «Виновность бывает нравственно выше чистоты. Это – нравственный парадокс, который следует глубоко продумать. Исключительное стремление к собственной чистоте, к охранению своих белых одежд не есть высшее нравственное состояние. Нравственно выше – возложить на себя ответственность за ближних, приняв общую вину». Несмотря на то, что христианское учение противится войне, христианин считает своим долгом взять грех участия в вооруженной борьбе на себя, поскольку, во-первых, не желает еще большего распространения зла, во-вторых, освобождает от этого греха своего ближнего. Таков важнейший вывод русской религиозной философии XX в.

Для того чтобы войну было под силу вынести основное нравственное противоречие войны, связанное с необходимостью убивать, не превратившись при этом в жестокого убийцу, а также для того, чтобы он мог выполнить свой долг по защите Родины, он должен обладать сложной системой нравственных добродетелей. Их обоснование и воспитание – одна из важнейших задач этики войны, т.к. боевой дух солдата всеми великими полководцами мировой истории считался всегда ключевым фактором победы.

С нач. XX в. любая военная стратегия планировала вести сражения в

трех стихиях: на земле, на воде и в воздухе. После Второй мировой к ней добавилась четвертая – душа воина. Стали разрабатываться идеи информационной войны, манипулирования сознанием, появились первые образцы психотропного оружия. Им ставилось задачей так изменить психику воина, чтобы он навсегда потерял возможность сопротивляться. Сегодня считается очевидным, что войну выиграет тот, кто сумеет растлить души солдат противника и сохранить неразвращенными души собственных воинов. Как правило, задача военной педагогики и пропаганды с первого дня войны состоит в том, чтобы доказать каждому бойцу: война ведется ради жизненно-важных интересов его страны, ради высших нравственных идеалов; она – не действие безличного государства, а совершенная необходимость для Родины, а значит, личное дело каждого ее гражданина. «Чем выше идеалы, за которые борется армия, тем доблестнее ведет она себя на войне», – отмечал генерал и талантливый писатель П.Н. Краснов.

Главная цель воспитания воинских добродетелей – помочь бойцу преодолеть страх, который все время преследует его на войне. Полностью ликвидировать страх невозможно, но можно его существенно ослабить и не дать ему повлечь состояние панического бегства. Нужна эмоция, не менее сильная, чем ужас смерти, требуется особо сильное переживание, благодаря которому воин смог бы преодолеть страх и рисковать своей жизнью. Русские философы войны почти единогласны в разрешении вопроса: таким духовным стимулом должна стать Святыня в сердце воина, в сравнении с которой жизнь кажется значительно менее ценной. Такими Святынями могут быть вера в Бога (в бессмертие души), верность Родине, любовь к своему народу. Они, по мысли русских религиозных философов, составляют ядро добродетелей воина-патриота. На их основе формируются другие качества, воспетые многими военными писателями. Так мыслители русской военной эмиграции (А.А. Керсновский, П.Н. Краснов, Н.Н. Головин и др.) считают незаменимыми для бойца добродетели мужества, храбрости, отваги, инициативы, ответственности, героизма, дисциплины, трудолюбия, веры в свои силы, чувства единения, чести, ума, воли, решимости победить и, как важнейшая добродетель для полководца, – вера в рядового бойца.

Но воспитать добродетельных воинов мало; надо еще суметь составить из них армию, способную надежно защитить общество от любого вооруженного насилия. «Армия представляет собою единство народа, – отмечал И.А. Ильин, – его мужественное начало; его волю; его силу; его рыцарственную честь». Русские религиозные философы всегда защищали точку зрения, согласно которой презрительно относиться к своей армии, тем более к воюющей армии, означает не ценить готовности воинов в любую минуту отдать свою жизнь за своих соотечественников, за право нации творить свое историческое бытие. Необходимо помнить, что воюет наша страна и наша армия и умирают ее воины за нас, ради того, чтобы мы могли спокойно жить. Желать поражения своей стране можно только в одном случае: если она ведет несправедливую захватническую войну. В остальных случаях радоваться неудачам своей армии – нравственное преступление. Но

и армия в таком случае должна быть достойна всенародной любви и действительно быть носителем нравственной идеи мужества, героизма, служения своим ближним. Ей не только следует забирать духовные силы общества, но и самой оказывать на него положительное влияние. В идеале армия и общество должны соотноситься так, как это выразил В.В. Розанов в первый день Первой мировой войны: «Ныне мы все воин, потому что наша Россия есть воин, а с Россией – мы все».

При формировании армии следует избегать двух опасностей: всеобщей воинской повинности и наемничества. Не по принуждению и не за деньги должен служить воин, а из любви к своей Родине. Главным критерием отбора в армию должно быть призвание человека к воинской службе. На нее должны поступать молодые люди, вдохновленные романтическим пафосом защиты Родины от всякого зла, знающие военную историю, мечтающие о боевых подвигах и победах, о достижении народной любви, славы и доблести. По степени развития нравственно-патриотических качеств в армии должны служить лучшие люди страны, и для русских философов, рассуждавших о войне, не было сомнения в том, что многочисленные народы России все вместе смогут найти для этой цели 700–800 тысяч человек.

Если давать общую характеристику русской религиозной этики войны XX в., то стоит заметить, что ее нельзя обвинить в излишнем милитаризме или национализме, т. к. она, в первую очередь, является частью христианской этики, но, с другой стороны, ее нельзя назвать излишне пацифистской, т.к. она не учит оставлять покусившегося на высшие духовные Святыни врага безнаказанным. Нахождение золотой середины между универсальным христианским миролюбием и охранительным государственным патриотизмом было главной задачей русской религиозной этики войны. Эта задача актуальна и сейчас, т.к. России необходимо иметь сильную армию и флот, надежную систему их комплектования, четко выраженную государственную военную доктрину и, как необходимую нравственную основу для всего этого, этику войны, которая помогла бы человеку следовать идеалам добра как в страшных обстоятельствах войны, так и во время армейского служения мирных дней.

Список использованной литературы:

1. Астафьев, А.И. Воспоминания о Суворове [Текст] / А.И. Астафьев. – СПб, 1856.
2. Бескровный, Л.Г. Очерки по источниковедению истории русского военного искусства [Текст] / Л.Г. Бескровный. – М., 1954.
3. Бурцев, И.Г. Мысли о теории военных знаний [Текст] / И.Г. Бурцев // Военный журнал. – 1819. – Кн. 2.
4. Бутаков, Г.И. Новые основания паровой тактики [Текст] / Г.И. Бутаков. – СПб, 1863.
5. Военная энциклопедия [Текст]. – СПб, 1912. – Т. VI.
6. Горемыкин, Ф.И. Руководство к изучению тактики в начальных ее основаниях и практическом применении [Текст] / Ф.И. Горемыкин. – СПб,

1849.

7. Записки стратегии. Вып. 1–2 [Текст]. – СПб, 1877–1880.
8. Из опыта русско-японской войны [Текст]. – СПб, 1909.
9. Инструкция Брюсу [Текст]. – СПб, 1706.
10. Книга Марсова или воинских дел... [Текст]. – СПб, 1713.
11. Коренные вопросы [Текст]. – СПб, 1897.
12. Корф, Н.А. Общее введение в стратегию, понимаемую в обширном смысле [Текст] / Н.А. Корф. – СПб, 1897.
13. Кутузов, М.И. Документы: В 5 т. [Текст] / М.И. Кутузов. – М., 1952. – Т. 3.
14. Леер, Г.А. Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны (положительная стратегия) [Текст] / Г.А. Леер. – СПб, 1871.
15. Медем, Н.В. Обзорение известнейших правил и систем стратегии [Текст] / Н.В. Медем. – СПб, 1836.
16. Метод военных наук [Текст]. – СПб, 1894.
17. Милютин, Д.А. Первые опыты военной статистики [Текст] / Д.А. Милютин. – СПб, 1847.
18. Милютин, Д. Суворов как полководец [Текст] / Д.А. Милютин // Отечество, записки. – СПб, 1839. – № 4.
19. Морской сборник [Текст]. – 1912. – № 11.
20. Мысли генерал-фельдмаршала Румянцева-Задунайского о состоянии армии, об устройстве войск, о содержании их, о построении крепостей, арсеналов, магазинов, о заведении военных школ, о дисциплине и военной полиции, комиссариатах и пр. – СПб., кон. XVIII в. / Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. Военно-ученого архива (ВУА). Д. 17775. Л. 1-11.
21. Неелов, Н.Д. Очерк современного состояния стратегии [Текст] / Н.Д. Неелов. – СПб, 1849.
22. Оборонительная война [Текст]. – СПб, 1909.
23. Петров, А.Н. К вопросам стратегии (критический очерк) [Текст] / А.Н. Петров. – СПб, 1898.
24. План войны [Текст]. – СПб, 1913.
25. Правила сражения [Текст]. – СПб, 1708.
26. Прикладная тактика: В 2 т. [Текст]. – СПб, 1877–1880.
27. Регламент об управлении Адмиралтейства и верфи... [Текст]. – СПб, 1722.
28. Романо, А. Краткое начертание главнейших правил военачальнической науки [Текст] / А. Романо. – СПб, 1802.
29. Российский военный сборник [Текст]. – М.: Изд. Гуманитарной академии ВС, 1994. Вып. 5. Русская военная доктрина. Материалы дискуссий 1911–1939 годов.
30. Скворцов, А.А. Этические проблемы войны в русской религиозной философии XX века [Текст] / А.А. Скворцов; Сектор этики Института философии РАН // Этическая мысль. – Вып. 2. – М.: ИФ РАН, 2001.

31. Современная война. Действия полевой армии [Текст]. – СПб, 1911.
32. Стратегия: В 2 ч. 5-е изд. [Текст]. – СПб, 1893–1898.
33. Устав воинский [Текст]. – СПб, 1716.
34. Устав морской [Текст]. – СПб, 1720.
35. Учреждение к бою по настоящему времени [Текст]. – СПб, 1708.
36. Фельдмаршал Румянцев: Сборник документов и материалов [Текст]. – М., 1947.
37. Хатов, А.И. Общий опыт тактики: В 2 ч. [Текст] / А.И. Хатов. – СПб, 1807–1810.
38. Языков, П.А. Опыт теории военной географии [Текст] / П.А. Языков. – СПб, 1838. – Ч. 1.
39. Языков, П.А. Опыт теории стратегии [Текст] / П.А. Языков. – СПб, 1842.